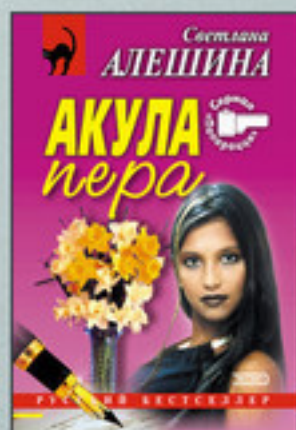

Светлана Алешина

На деревню дедушке

Часть сборника
Акула пера (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина
На деревню дедушке

«Научная книга»

2002

Алешина С.

На деревню дедушке / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Папарацци)

«...Мы перебежали через дорогу, и майор Здоренко, заметив нас, остановился, выпятив вперед живот, губы и козырек фуражки, и милостиво подождал, когда мы к нему приблизимся.— Ну что, Бойкова! Говорил я тебе... — начал майор, но не досказал, потому что рация, висевшая у него на плече, пролаяла несколько слов, и майор тут же отвлекся.— Эвакуируй всех людей из здания! — рыкнул он рации, и она в ответ, что-то каркнув, заткнулась. Майор, задрав голову, посмотрел на густейший дым, выползающий из окна моего кабинета.— Документы уничтожает? — деловито спросил он у меня. — Или дымовую шашку поджег? У тебя там много бумажек было, Бойкова?— Все важные документы у нас на диске компьютера или на дискетах в столе. Или в моем, или в Маринкином, — ответила я. — Жечь их не обязательно.— Можно просто об коленку поломать, — добавила Маринка. — Или магнитом потереть...»

© Алешина С., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

На деревню дедушке

Глава 1

Все это началось в самые что ни на есть обычные и скучные будни, когда кажется, что и время остановилось, и уже все о тебе забыли, кроме Маринки, налогового инспектора и ревматизма в левой коленке – самом памятном моем наследии от прошлого увлечения футболом. Ведь когда-то я была капитаном женской команды «Волжанка» в своем пыльном и затхлом Карасеве. Вы, наверное, об этом уже забыли, а я помню.

Но это было давно, в прошлой жизни и, разумеется, еще до моего переезда в славный столичный град Тарасов.

Итак, как я уже сказала, стоял обычный приличный и скучный день. Я не ждала от жизни никаких фокусов и, когда в самом начале рабочего дня ко мне в кабинет вошел Сергей Иванович Кряжковский, восприняла это совершенно спокойно. А как, спрашивается, я должна была воспринимать приход нашего старейшего сотрудника, доброго, так сказать, духа редакции, наставника и все такое прочее? Положительно – и никак иначе.

Сергей Иванович Кряжковский – тот самый единственный член нашего коллектива, из-за которого редакцию «Свидетеля» нельзя называть полностью молодежной. Сергей Иванович к молодежи не относится уже давно и долго. Если верить паспортным данным, разумеется.

Несмотря на разницу в возрасте с коллегами, Сергей Иванович замечательно сработался с нашим коллективом. Даже скажу больше: возможно, только благодаря его огромному опыту – и жизненному, и профессиональному, – наша газета сумела за весьма короткий срок стать лидером среди местных изданий горячей информации. Это, кстати, такой же секрет, как и Маринкин возраст: все знают, а вслух не говорят только потому, что виновник – в данном случае добрейший Сергей Иванович – смутится и первым же полезет с опровержением.

– Есть что-то новенькое? – приветливо спросила я у Сергея Ивановича, не находя другой причины для его визита. Обычно Сергей Иванович, пользуясь своими связями, умудрялся узнавать жгучие местные новости на один номер раньше наших конкурентов.

Ну, если не совсем постоянно, то достаточно часто для того, чтобы заставить уважать нашу газету наряду с областными и городскими официозами.

– Это как посмотреть, Оленька, – ответил мне Сергей Иванович, – для кого-то и каждое утро за окошком – уже что-то новенькое. А для других то же самое – безнадёжная рутина.

Я внимательно посмотрела на Сергея Ивановича. Он не всегда находился под таким явно выраженным прессом философского настроения. Оно накрывало его обычно только в грустные моменты жизни. Следовательно, что получается? Правильно, у Сергея Ивановича что-то случилось.

– У вас что-то произошло? – участливо спросила я, показывая на стул для посетителей. – Вы присаживайтесь, Сергей Иванович.

Кряжковский сел, снял очки, протер стекла и водрузил очки на прежнее место. После этих значительных манипуляций он как-то неожиданно торжественно взглянул на меня.

– Ольга Юрьевна, – произнес Сергей Иванович несколько более возвышенно, чем следовало бы, и сделал многозначительную паузу.

Мы внимательно посмотрели друг на друга. Он с каким-то подозрительным огоньком в глазах, а я – уже с озадаченностью.

Создавалось очень нездоровое впечатление, что Кряжковский собрался звать меня замуж. Шутка.

Но было похоже.

Помолчав, наверное для пущего эффекта, Сергей Иванович продолжил:

– Ольга Юрьевна, я давно уже хотел с вами серьезно поговорить!

Заход был тот еще, многообещающий. Поэтому я быстренько вспомнила, все ли у меня нормально на лице и в настроении ли я. Я соображала, продолжая по-доброму и с интересом смотреть на Сергея Ивановича.

Вряд ли он предложит мне выйти за него замуж, думала я, это было бы таким идиотским перебором, что даже Маринка мне бы не поверила. А что еще тогда может быть?

Еще Сергей Иванович может попросить премию. С этим у нас, слава богу, без проблем. Для него, я имею в виду. В разумных пределах.

Еще что?

Еще он может мне предложить безразмерный цикл статей об истории Тарасова, которые пишет вот уже который год. Кажется, сочинять сию летопись он начал еще до нашего с ним знакомства.

Если верить некоторым высказываниям Сергея Ивановича, то уже до нашей встречи рукопись по истории Тарасова составляла приблизительно страниц восемьсот.

Хм, восемьсот страниц – это называется серией статей? Не знаю, конечно, но подискутирую на эту тему с удовольствием. Однако без положительного результата, сразу предупреждаю.

– Так, я слушаю вас, Сергей Иванович, – напредила я Кряжимскому, видя, что он замолчал, или собирается с мыслями, или, напротив, старается не мешать думать мне. Неужели мыслительный процесс так ясно отпечатывается на моем лице, даже когда я стараюсь выглядеть простой и доброй начальницей?

Безобразие какое!

– Ольга Юрьевна! – Кряжимский почему-то неожиданно разволновался, да так здорово, что я испугалась и вернулась к первой версии про замужество, как бы глупо это ни звучало. А иначе какого черта ему так пугаться, ведь он еще ничего и не сказал?!

– Ольга Юрьевна! – в четвертый раз повторил Сергей Иванович и снова взмахнул своими очками. – Через неделю исполнится ровно сорок лет эпохальной выставке наших российских пейзажистов объединения «Лесостепь», которая произошла в Париже еще при генерале де Голле!

Вот тут-то, услышав сие, я и вздохнула тяжело и с грустью. Мне все стало ясно. У всех у нас есть свои маленькие слабости. Вот и у Сергея Ивановича тоже была такая большущая маленькая слабость – живопись.

– Вы принесли статью? – упавшим голосом спросила я, догадываясь, что ее объем будет не меньше чем на разворот. – Давайте ее в номер... Только постарайтесь не в ущерб основной линии газеты. Ладно?

Я постаралась смириться со скучной мыслью, что следующий номер будет похож на... точнее, ни на что не похож, но тут Сергей Иванович удивил меня еще разок.

– Нет, статью я не написал, – обескураживающе заявил он и добавил ну уж абсолютно полную ересь: – Ее напишете вы!

Я промолчала, подумав, что происходит что-то не то. С какой радости я должна писать статью про живопись степных пейзажистов, если я об этом знаю реально меньше Сергея Ивановича? А говоря метафорично: ни уха ни рыла. Но это, конечно же, метафора, вы меня понимаете.

Или Кряжимский решил срочно повысить мой культурный уровень?

А тогда почему я об этом ничего не знаю? А если я не согласна?!

В смысле, не согласна, что со мною поступают вот так вот, без предупреждения!

– Я предлагаю вам, Оленька, возглавить наш общий визит к одному достойнейшему человеку. Последнему, так сказать, из великих, к последнему из могикан нашей отечествен-

ной живописи! – наконец-то конкретизировал свое «брачное» предложение Кряжимский. – Последний, кто остался в живых в России из участников той выставки, – это Федор Аполлинарьевич Траубе! Знаете такого? Это – корифей!

Сергей Иванович настолько разволновался и вдохновился, что ожидал услышать от меня «Да!» и тут же продолжить заготовленную заранее хвалебную речь этому Т... Траубе, так что, когда я выдохнула честное «Нет», он просто растерялся.

– Совсем не знаете? – упавшим голосом спросил он и, склонив голову набок, внимательно взглянул на меня, ища в моих глазах затаенную усмешку. Усмешки не было, потому что я действительно не знала ничего ни про Траубе, ни про наших пейзажистов в Париже. Если честно, я вообще думала, что во времена де Голля за границу от нас пускали только солдат и шпионов. Ну и дипломатов еще, конечно.

Через полчаса Сергей Иванович, счастливо улыбаясь, вышел из моего кабинета, оставив меня в полной прострации и расслабке, но согласившейся ехать завтра за интервью. И не только за ним, но и за картинами тоже. Он предварительно уже договорился со старым могиканином, что три наиболее интересные картины из его коллекции будут выставлены в центральном офисе «Финком-банка» под патронажем газеты «Свидетель»!

– Зачем банку картины про степь? – удивленно спросила я у Кряжимского, стараясь хоть немного разобраться в происходящем. Спросила, разумеется, еще до того как он ушел. Ну, я думаю, вы меня поняли. – Они решили выставить картины на аукцион?

– Да нет же, Ольга Юрьевна, – набравшись бесконечного терпения, проговорил Сергей Иванович. – Каждый уважающий себя банк имеет коллекцию живописи и скульптуры. Это считается хорошим тоном. И неплохим вложением капитала. Кроме того, регулярно устраиваются небольшие выставки для обновления постоянной экспозиции. Вот, например, у президента «Финком-банка» в холле всегда висит несколько картин, также и в конференц-зале, в кабинетах старших менеджеров...

– Это во всех банках такая практика? – спросила я, хмурясь и наклоняя голову над столом. Тема, затронутая Сергеем Ивановичем, была весьма интересной, но только потенциально, увы. Однако разговор я должна была поддержать, чем и занялась, как вы видите. Он же ради моего образования старался.

– Не во всех, наверное, у каждого банка свой стиль выпендрежа, – не меняя серьезного тона, сказал Сергей Иванович, – в данном конкретном случае мы говорим про «Финком-банк», если вы помните.

– Я помню, – вздохнула я.

– Ну вот, – продолжил Кряжимский, – я переговорил с вице-президентом, он дал мне соответствующее письмо к Федору Аполлинарьевичу, – с этими словами Сергей Иванович аккуратно положил передо мною на стол красиво пропечатанный лист бумаги в прозрачной папке. На этом листе жирно выделялись логотип банка вверху и длинная, замысловатая подпись внизу.

Я без особой заинтересованности посмотрела на эту официальную бумагу и положила ее слева от себя.

Поразительны дела твои, господи! Если уж Кряжимский вплотную решил заняться менеджментом, значит, в мире произошли серьезные изменения. А я их, кажется, и не заметила.

В результате беседы с Кряжимским я узнала много интересного. Например, то, что дома у художника Траубе находится довольно неплохая коллекция живописи отечественного авангарда и пейзажа. Еще я узнала, что Траубе вдовец, у него трое детей, сколько-то там внуков, две кошки и много кисточек, которыми он работает и которыми он не работает. Живопись у Траубе коллекционируется как-то сама – друзья дарят, например, а кисточки он целенаправленно собирает много лет и очень гордится своим собранием...

А еще Сергей Иванович уже провел с Федором Аполлинарьевичем предварительные переговоры по телефону о демонстрации картин из его коллекции в нашем городском музее живописи имени Татищева. Почему-то Сергей Иванович пообещал, что наша газета обеспечит для этой выставки все подряд: и информационную поддержку, и даже охрану.

Правда, охрану Кряжимскому уже обещали обеспечить в горУВД, где он в ответ на эту любезность обещал прочесть бесплатный цикл лекций по истории тарасовского криминала...

Ну, в общем, вы можете понять, в каком я была состоянии, когда Сергей Иванович наконец-то оставил мой кабинет и удалился.

Я докуривала уже вторую сигарету, тщательно вытрясая из головы все связанное с живописью и художниками, как в кабинет влетела радостная Маринка. Я хмуро взглянула на нее: еще что-то произошло? Это уже перебор. Каждый день по неожиданности – еще сойдет, но по две – форменное безобразие!

– Оля, блин, вот здорово! – крикнула Маринка и от избытка чувств так хлопнула дверью, что я вздрогнула, диктор на экране моего включенного телевизора замер и зарылся в бумажки, а компьютер срочно пожелал перегружаться, словно только что проглотил неведомый вирус, расстроивший ему оперативное пищеварение, то бишь память.

Непривычные они и нервные какие-то. А вот я уже почти привыкла к Маринкиным заскокам.

– Что именно здорово? – максимально терпеливым тоном спросила я. – Наконец-то ожидается землетрясение в нашем микрорайоне? Давно пора, а то скоро писать станет не о чем.

– Нет, насчет землетрясения я ничего не слыхала. Правда, потрясет, что ли? – слегка удивилась Маринка, но потом, видимо подумав, что я шучу, легко продолжила: – Сергей Иванович сказал мне, что мы все вместе едем за город! Я думала, что ты никогда не поднимешься до такого подвига!

– Куда мы едем? – переспросила я, не сообразив сразу. – Как это «за город»?

– Ну как, ну как, абнакнавенно! – раздражилась Маринка. – К какому-то старому фокуснику, у которого и зимой, и летом цветут ананасы в оранжереях. А бананы у него не растут?

– Что-то я не поняла, – проворчала я, – это у художника Траубе оранжереи?

– При чем тут какой-то художник! – вскипела Маринка. – Ты что, издеваешься надо мною? Сама согласилась ехать и сама якобы не знаешь куда!

Маринка выскочила из кабинета в растрепанных чувствах, на этот раз дверью не хлопнув.

Мы с Маринкой подруги с тех времен, когда нашей замечательной газеты «Свидетель» еще и в помине не было. Хотя, в принципе, мы могли бы познакомиться с ней и еще раньше, потому что мы учились на одном и том же филфаке, но на разных отделениях. Маринка грызла учебный гранит на романо-германском, и, кстати, на год раньше меня. То есть она на этот самый год, получается, меня и старше. Это не секрет, ни в коем случае, но между подругами такие мелочи упоминать просто неприлично. Да и зачем?

Все равно же мы обе об этом распрекрасно помним.

Подумав немного об очередном Маринкином выпаде – чуть не сказала «припадке», – я выбралась из-за стола и пошла следом за нею. Нужно было разобраться, что же происходит в этом мире и почему я получаю из него такие разные сигналы.

Художник Траубе плохо укладывался у меня в голове рядом с бананами. Как-то не состыковывалось название группы «Лесостепь» с ананасами-бананасами. То, что в наших степях подобные плоды не произрастают, я знала точно и не понаслышке.

Сергея Ивановича на месте не было, он уже ускакал в областное правительство на пресс-конференцию губернатора, а потом собирался, как он предупредил Маринку, съездить еще куда-то, «но уже по другому делу».

Спрашивать было не у кого, и я, посмотрев, чем занимается наш Ромка – как всегда, это была какая-то ерунда, – вернулась к себе в кабинет. Маринка, не обращая на меня внимания,

возилась с кофеваркой, наклонившись над своим столом. Так как Маринка решила сделать вид, что меня не видит, я сделала вид, что не вижу ее.

Что получается? Правильно: квиты.

Как только я снова уселась в свое кресло, тут же зазвонил телефон у меня на столе. Я сняла трубку и представилась привычным текстом:

– Главный редактор газеты «Свидетель» Ольга Юрьевна Бойкова. Здравствуйте!

– Здравствуйте, – услышала я в ответ приятный мужской голос.

Знаете, бывают такие голоса, не очень низкие, с легкой хрипотцой, но удивительно приветливые. Так и хочется улыбнуться. Вот я и улыбнулась.

Но, видно, мне на роду было написано или звезды так рассудили, что в этот день мне покоя не будет.

Снова отворилась дверь кабинета, но Маринка на этот раз не вошла, а просто просунула голову в образовавшуюся щель.

– Ты была права, – громко заявила Маринка, словно у меня были проблемы со слухом. – Я сейчас все выяснила у Ромки! Мы едем к художнику. Его фамилия Траубе. Но у него есть оранжерея!

Выпалив эту информацию, Маринка исчезла.

Я покачала головой и прислушалась к молчащей трубке.

– Алло, – сказала я, – я слушаю вас.

– Вас ведь зовут Ольга, если я правильно расслышал? – спросил меня по телефону все тот же мужской голос. Но теперь, однако, голос прозвучал по-другому. Мне показалось, что в интонациях я услышала что-то угрожающее.

– Да, Ольга Юрьевна, – подтвердила я и снова прислушалась.

– Вчера по телевизору Павел Глоба сказал мне, что Ольгу ожидают разные сюрпризы, – сказал мне мужчина и аккуратно положил трубку.

Услышав короткие «пи-пи-пи», я посмотрела на трубку и тоже положила ее на место.

Приехали: снова начинаются неожиданности, которые иначе как неприятными назвать нельзя.

Этого еще не хватало! Мне позвонил явный псих, и будем считать, что мне еще повезет, если он окажется тихим.

Я вышла из-за стола, подошла к окну и выглянула из него.

Напротив здания редакции через дорогу, недалеко от киоска «Роспечать», на жилом доме висел телефон-автомат. Мне почему-то показалось, что, возможно, кто-то пошутил и сейчас я увижу этого весельчака, но у телефона никого не было.

Мое окно в кабинете по старинной традиции, заведенной Виктором, обычно закрывалось шторами – это чтобы нежданный снайпер ненароком меня не подстрелил. Когда-то случилась одна горячая история, и Виктор – наш замечательный фотограф – ввел этот режим безопасности. История прошла, шторы остались, но постепенно за ненадобностью они раздвигались все шире и шире, и вот сегодня окно было открыто полностью.

Не увидев никакого шутника у телефона-автомата, шторы я тут же задернула. И сделала я это вовсе не потому, что я чего-то жутко испугалась: еще чего!

Но, с другой стороны, если есть шторы, то почему они скучно висят по бокам багетки? Все должны заниматься своим делом: и я, и Маринка, ну и шторы в том числе.

Я молча вернулась на свое место и погрузилась в грустные размышления. Пока не выяснится, кто мне звонил: придурок или преступник, нужно начинать соблюдать осторожность.

Неужели снова мне начинать маскироваться, как когда-то, когда возникла реальная для меня перспектива стать мишенью для киллера?

Снова Маринка будет говорить посетителям, что я не принимаю по причине жутко важной занятости – это чтобы убийца не прошел. По телефонам за меня будут отвечать, что меня

нет и пока не будет, а это «пока» неизвестно когда закончится – чтобы по трубке снова мне не смогли угрожать и не нарушили бы мое лирическое настроение, которое провалилось в тартарары сразу же после начала всего этого почечуя, как любит выражаться мой друг Фима Резовский.

Как вы понимаете, конечно, от всех этих мыслей мое настроение не улучшилось.

Итак, я вернулась к столу и, нажав кнопку селектора, спросила у Маринки, есть ли новости. На самом деле новости меня не интересовали, мне стало неудобно в одиночестве и захотелось общества. Пусть даже и Маринкиного.

По селектору мне никто не ответил. Я удивилась и вышла из кабинета.

В комнате редакции никого не было.

Глава 2

Я с недоумением осмотрела всю редакцию и даже, присев, заглянула под Маринкин стол. Точно – никого. Начинаются обещанные сюрпризы?

Полная всяких нехороших предчувствий, я сделала несколько шагов по комнате редакции, и тут из-за приоткрытой двери, ведущей в общий коридор, услышала возбужденные голоса. Среди них выделялся Маринкин.

Она что-то кричала, и единственное, что я разобрала, так это то, что Маринка напористо требовала позвонить в «Скорую помощь» и милицию!

Я, разумеется, решила узнать, что там происходит. Такие неординарные события, как Маринкин крик в коридоре, в принципе у нас редкость, хотя Маринка покричать любит, как вы уже знаете.

Но обычно все самое неприятное случается в других местах, но только не в коридоре.

Так как в редакции не было не только Маринки, но и Ромки, я сделала правильный вывод, что весь наличный состав, за исключением ушедшего Сергея Ивановича, занят чем-то чрезвычайным в коридоре, и тоже вышла туда.

Весь сыр-бор, как оказалось, разгорелся вокруг мальчишки примерно десяти или одиннадцати лет, который стоял напротив нашей двери и размазывал кулаками грязь по лицу. Мальчишка надрывно орал, а Маринка, перемежая кудахтанье с возмущенными криками, прыгала вокруг него.

– Ты чей, мальчик?! – надрывалась Маринка, стараясь перекричать ребенка, истошно вопившего о том, что он потерялся и что его мамочка только что была здесь, а вот теперь ее нет и он не знает, куда ему идти.

Ромка, присутствующий здесь же, скромно молчал, прекрасно понимая, что Маринка все скажет и узнает за двоих. А когда Маринка что-то выясняет, то другим лучше не лезть – не дай бог она подумает, что ей мешают. Тогда она начнет кричать еще громче.

– Не ори! – изо всех сил крикнула Маринка, и мальчишка на мгновение заткнулся. Я тут же воспользовалась паузой.

– Откуда он взялся? – спросила я.

– Понятия не имею, наверное, пешком пришел! – разумно ответила Маринка. – А мамаша его наверняка заболталась в каком-нибудь кабинете с подружкой. А ребенок травмируется! А дети, между прочим, пока не вырастут, постоянно находятся в переходном возрасте! Я помню, я зачет сдавала!

Я скептически посмотрела на мальчишку и довольно-таки пессимистично подумала, что раньше всех травмируюсь я. Психически.

– Пойду внизу посмотрю, нет ли там кого-нибудь, – задумчиво предложил свои услуги Ромка, шмыгнув носом и смотался.

Мы с Маринкой остались вдвоем, пардон, втроем, в коридоре.

Я решила не затягивать все эти выступления и предложила завести мальчишку в редакцию и напоить его для начала кофе. Потом, когда он успокоится, нужно просто узнать его имя, фамилию, адрес и вызвать милицию. Кончилось время безграмотных беспризорных, не помнящих родства, и сейчас любой подросток или недоросль сможет объяснить, не только в какой школе он учится, но и какой был счет в последнем матче Манчестера с Миланом. Или наоборот.

Маринка моя – человек замечательный, интересный и как товарищ очень надежный. Однако есть у нее в характере один недостаток. Недостаток маленький, но уж если он начинается проявляться, то прямо-таки туши свет и святых выноси. Этот недостаток называется,

мягко говоря, увлеченностью, и когда он грохает Маринку по головке, то нескучно становится всем. В первую очередь ближним. Мне то есть.

Вот и сейчас Маринка, не зная, что предпринять в столь неординарной ситуации, уже начинала загоняться.

– Ты голодный? – закричала она мальчишке, оттесняя меня в сторону. – А сколько времени ты не ел? Пошли, пошли, для начала я дам тебе кофе, но сразу много тебе нельзя!

– Желудок лопнет, – пробормотала я.

– Не пойду! – крикнул мальчишка, услышав мои слова. – Мне мама не разрешает никуда ходить с незнакомыми людьми!

– Правильно делает твоя мама, зараза эдакая! – одобрила Маринка действия незнакомой нам женщины. – А может, ты на компьютере хочешь поиграть? «Мортал комбат» знаешь? Там еще уроды страшные саблями машут. У нас есть!

Мальчишка на мгновение перестал хныкать и задумался.

Тут со стороны лестницы послышались шаги, и показался идущий в нашу сторону незнакомый мужчина. Он был одет в короткую кожаную куртку. Большая кепка «аэродром» была низко надвинута на лоб.

Мужчина быстрым шагом приближался к нам, держась около противоположной стены коридора, так что было ясно, что он собирается пройти мимо.

– Не пойду я с вами! – снова крикнул мальчишка, затягивая свою песенку. – Не хочу! Мне мама не разрешает!.. И кофе не хочу!

Про компьютерную игрушку мальчишка дипломатично промолчал.

– Это мы уже слышали, – строго сказала я. – Может быть, ты тогда печенье хочешь?

– Печенье? – убавив громкость выступления, тихо переспросил мальчишка и снова крикнул: – Не хочу! – но это получилось у него менее уверенно, чем раньше.

Тем временем мужчина поравнялся с нами, пробормотал что-то вроде «простите-извините», потому что он слегка задел Маринку. Действительно, мы втроем слишком уж широко раскинулись в этом месте. Маринка посторонилась, мужчина прошел мимо нее, но не пошел дальше. Он вдруг сделал неожиданный маневр.

Проходя как раз напротив открытой двери, ведущей в редакцию, мужчина, вместо того чтобы продолжать путь в прежнем направлении, резко прыгнул к двери, оттолкнув меня в сторону, вбежал в редакцию и захлопнул за собою дверь.

Я не упала только потому, что меня швырнули на стену. А не размазалась я по этой стене потому, что успела рефлекторно выставить руки. Самортизировала.

Осталась еще реакция от прежних тренировок. Но лучше бы я не выходила вообще из кабинета. Там мне было удобнее.

– Эт-то еще что такое? – только и успела пробормотать Маринка, запоздало хватаясь за ручку двери. – А ну откройте немедленно!

Я промолчала, потому что сильно ушибла руку. Что-то, кажется, прошептав положенное этому случаю, я потеряла заболевшую кисть.

Маринка еще разок дернула за ручку двери. Ручка повернулась, но дверь не открылась. Наоборот даже, мы услышали, как защелкнулась внутренняя задвижка. Мужчина, захвативший нашу редакцию, постарался запереться получше.

– Откройте дверь! – крикнула я, разозленная всем происшедшим. И так рука болит, а тут еще какой-то придурок надумал шутить. Не смешно! Ни капельки!

– Хулиган! – крикнула я.

– Это бандит! – крикнула мне в ответ Маринка прямо в ухо. – Он там сейчас нам все разгромит!

– Зачем? – спросила я, сама толком не понимая, зачем нужно было какому-то незнакомому мужчине делать такие глупости среди бела дня. Хотя, конечно же, у меня в кабинете есть

сейф, а в нем немного денег... А в сумочке у меня диктофон и... Нет, все это ерунда и целью такого поступка быть не может.

– Это псих! – сказала я. Иного объяснения не находилось. И Маринка тут же согласилась со мною.

– Маньяк! Я так и поняла! – снова крикнула она, и мы с ней, не сговариваясь, отошли от двери.

Тут-то мы обе и вспомнили про внезапно замолчавшего мальчишку. Я посмотрела налево, потом направо, Маринка проделала то же самое упражнение, но в обратном порядке.

А мальчишки-то в коридоре и не было.

– А где... этот паразит-найденый? – спросила я у Маринки.

– А-а-а... наш подкидыш, что ли? – Маринка еще повертела головой и затем здраво ответила вопросом на вопрос: – А я откуда знаю?

Мы пооглядывались, и я еще раз стукнула в дверь, но тут Маринка меня одернула.

– А вдруг этот маньяк сейчас возьмет и откроет дверь! Ка-ак распахнет! – жутчайшим шепотом пробормотала она. – Пошли отсюда быстрее!

Предложение мне показалось весьма разумным и даже полезным. Для здоровья, разумеется.

Схватившись с Маринкой за руки, мы побежали к лестнице. Подбежав к ней, мы увидели сбегающего вниз по лестнице мальчишку.

– Ты куда, паршивец-засранец?! – крикнула ему Маринка и, оглянувшись на всякий случай на нашу запертую дверь, добавила: – Еще раз потеряешься! Лучше остановись!

– Не-а, тетеньки! Больше не потеряюсь! – весело отозвался мальчишка, и мы услышали, как хлопнула внизу входная дверь.

– Что делать будем? – спросила меня Маринка. – Стоим здесь, как две плющихи на Тополихе... или, кажется, наоборот... Не молчи! Что делать будем? Руководи, ты же начальница!

– В милицию звонить, что же еще?! – ответила я. – Пусть приезжают, вскрывают двери, арестовывают и все прочее. Это их работа. Я с маньяками связываться не желаю! Не мой профиль.

Я была настроена решительно, но самое главное было бы – удрать отсюда поскорее. Ну не хочу я встречаться с маньяками почему-то. Нет на это моего журналистского куражу, в чем и признаюсь.

Мы с Маринкой выбежали на улицу. Нашего мальчишки уже нигде не было. За стеклянными дверями здания мы сразу столкнулись с Ромкой. Он стоял спиной к дверям и сосредоточенно ковырял в носу.

– Никого здесь нет, Ольга Юрьевна, – поворачиваясь, сказал мне Ромка, украдкой вытирая пальцы о штанину, – никаких мамочек. Да и папочек тоже не видать. А вы куда?

– Пошли-ка с нами! – крикнула ему Маринка и для верности схватила Ромку за руку. Вот это она сделала абсолютно правильно.

Мы пересекли улицу, аккуратно переждав, пока проедет несколько машин, и подошли как раз к тому самому телефону-автомату, который я совсем недавно обозревала из окна своего кабинета.

Оглянувшись на знакомые окна, я удивленно вскрикнула:

– Вот это да!

– Что, что такое? – переспросила Маринка и, проследив за моим взглядом, присвистнула: – Ну, блин, горячий же мужчина!

Окна кабинета, несмотря на ноябрь месяц, были растворены, и так подло воспользовавшийся нашим добросердечием налетчик в кепке стоял около открытого окна и... и всего лишь разговаривал по телефону. Было прекрасно видно, как он держит трубку в правой руке, размахивая при этом левой.

Как я замечала, есть люди, совершенно не умеющие разговаривать, если при этом они не помогают себе руками. Атавизм, наверное.

– Мне кажется, он у нас жить собрался, – пробурчала Маринка. – Не удивлюсь, если окажется, что он по телефону заказывает себе пищу в номер. Ну что ж, пока он звонит, позвоним и мы. – Она сняла трубку телефона-автомата. – Ты будешь разговаривать? Или разрешишь мне?

– Давай-ка я лучше сделаю это сама, – сказала я.

Я взяла у нее трубку, послушала, что телефон работает, и быстро набрала рабочий номер телефона майора Здоренко.

Майор Здоренко был моим стариннейшим знакомым и очень неординарной личностью. Майор руководил одним из подразделений тарасовского РУБОПа, был откровенно хамоватым типом и, говоря еще откровеннее, весьма скептически относился к прессе. И к служителям ее.

Интересные у меня знакомые, правда?

Самая главная правда заключалась в том, что при слове «журналист» лицо майора Здоренко вместо обычного своего темно-красного цвета приобретало какой-то неправдоподобно бурый, и он начинал орать так, что даже кирпичи на окружающих зданиях старались уменьшиться в размере от страха.

Журналистов майор не любил и не терпел, а вот со мной почему-то всегда ладил. Ладил – это в его понимании, а не в общечеловеческом. Или он лично ко мне проникся такой эксклюзивной симпатией, или это я нашла какой-то ключик к его сердцу, что одно и то же, уже не помню подробностей. Одно без сомнения: среди всей массы тарасовских журналистов майор выделял и нашу газету, и меня лично, и отношения у нас были почти терпимые. Это не означает, что он не орал, когда случайно наткнулся на меня. Орал – и очень громко. Но я всегда могла рассчитывать на его помощь и прекрасно об этом знала. Как бы ни орал в ответ на мой звонок майор Здоренко, на помощь он прийти должен обязательно.

Пока я набирала номер телефона майора, я не спускала глаз с придурка в кепке, оккупировавшего мой кабинет. Мне показалось, что он в это же самое время рассматривал и нас с Маринкой, не переставая разговаривать по телефону. Маринка даже махнула ему один раз рукой. А он не ответил.

Маньяк, что с него возьмешь!

– А кто это такой? – прищурившись, спросил Ромка. – Что-то я не узнаю этого джентльмена... кепку еще надвинул на самый нос... Грузин, что ли? Или чеченец?

Словно в ответ на эти слова, «джентльмен» отошел в глубь кабинета и перестал быть нам виден.

– Здоренко! – рявкнула трубка у меня в руках, и я, вздрогнув, откашлялась и начала разговор.

– Товарищ майор, – крикнула я, – у нас в редакции засел бандит!

– Это ты, что ли, Бойкова? – сразу же сменив громкий крик на недовольное брюзжание, проворчал майор.

– Ну да! Он заперся! – снова крикнула я, предусмотрительно отодвигая трубку подальше от уха: майор мог заорать в любую секунду, и нужно было к этому подготовиться.

– Он-то, может, и заперся, – продолжая демонстрировать интонациями, что у него язвгастрит-отрыжка и последняя степень печали, сказал майор Здоренко, – а вот ты-то, Бойкова, где?

Пришлось пуститься в объяснения. Майор всегда отказывался что-либо понимать, если не вытрясал из меня максимально полной картины.

Объясняя ситуацию майору, я не спускала глаз с окна своего кабинета. Вроде ничего особенного там не происходило. Пока. Точнее говоря, ничего не было заметно из ряда вон выходящего: ни взрывов, ни пожаров, ни еще какой-нибудь радости. Только открытое окно. И слегка шевелящиеся от ветерка шторы.

– Охрану нужно ставить на весь день, – бубнила мне Маринка под ухом, – а то выгнали, понимаешь, из собственной редакции, и бродим здесь, как две бомжихи. Ты почему не позвонила просто в милицию? Зачем нам нужен этот майор? Время-то идет!

Я сделала Маринке знак замолчать и прислушалась к тому, что мне говорил майор Здоренко.

А говорил он давно ожидаемые слова в давно знакомом обрамлении.

– Ну, в общем, выезжаю со своими ребятами, – вяло сказал майор, – заодно и на тебя посмотрю, редакторша. Но, судя по твоему рассказу, ты, Бойкова, ни хрена не изменилась! И, похоже, тебе это не грозит.

– А как я должна была измениться? – спросила я, но в трубке уже раздалось наглое «пи-пи-пи», и я повесила ее на рычаг.

– Ну что, нахамил? – тут же пододвинулась ко мне Маринка. – Он без этого не может. Солдафон противный!

– Не без этого. А ты как думала? – вяло отозвалась я.

– И я думала так же. Так почему же ты просто не позвонила по ноль-два? Зачем тебе эти словесные упражнения нашего майора, если не сказать похлеще?

– «Ноль-два», говоришь, – повторила я. И еще раз взглянув на окно своего кабинета, направилась к киоску за сигаретами. – У тебя деньги с собою есть?

– Не-а, – ответила Маринка и поплелась за мною следом. – А при чем тут деньги? Не переводи тему, мне же интересно! Я тебя спрашиваю: почему ты просто не вызвала ментов, а предпочла, чтобы на тебя снова наорали?

– Почему? – Я остановилась и резко повернулась лицом к идущей за мною Маринке. Она ойкнула и остановилась.

– Ты что?

– А ты что же хочешь, чтобы завтра по обоим нашим местным телеканалам растрезвонили, что какой-то придурок ввалился в помещение редакции газеты «Свидетель», хитростью выманил оттуда двух дур, работающих там, и заперся в кабинете главного редактора? Мне такая реклама не нравится. Пусть уж лучше сейчас меня пять раз обругает майор Здоренко, но этим все и закончится, чем приедут какие-то незнакомые мальчишки и начнут меня пытаться своими допросами и бумажками. Теперь понятно, почему я позвонила туда, а не в «ноль-два», как ты предлагаешь?

– Теперь понятно, – ответила Маринка, – только кричать не нужно, ладно?

– А ты не доводи, – отрезала я и снова посмотрела на окно редакции.

Окно было раскрыто, но за ним никого не было видно. Наверное, «наш» маньяк в кепке уже наговорился по телефону и теперь просто раскачивается в моем кресле.

– А я не понял, как вы сами спаслись? – спросил молчавший до сих пор Ромка.

– Потом, – сказала я. – Все объяснения потом. Когда потеплеет, – и скрестила руки на груди. Все-таки на улице стоял ноябрь. Хоть погода и здорово изменилась за последнее время, но ноябрь от этого все равно не стал августом.

– Какой горячий мужчина, – опять пробормотала Маринка, поглядывая на мое окно, – ну ничего, скоро ему станет еще горячее. Майор наш хоть и с изрядной долей злобной активности, но шутки понимает плохо. В данном случае это пойдет нам на пользу. Безусловно.

– Посмотрим, – сказала я и схватила Маринку за рукав.

– Ты что? – вздрогнула она и шарахнулась в сторону.

– Смотри!

Из окна моего кабинета показался пока еще не густой, но самый настоящий дым белого цвета.

– Поджог устроил! Вот скотина! – крикнула Маринка и топнула ногой от злости. – Ну что теперь, пожарных вызывать? А у меня зонтик новый в столе лежит!

– Хороший зонтик? – рассеянно спросила я.

– Ну я же тебе показывала! Зонтик-трость, очень элегантный такой, ручка еще бамбуком отделана.

Маринка от досады несколько раз топнула ногами и скомандовала Ромке, чтобы тот заткнул уши. Она собралась всласть поругаться, но тут из-за поворота резко вырулили две «Газели». Почти не сбавляя скорости, они еще раз повернули и остановились перед зданием редакции.

– Это наши! – крикнула я.

Двери «Газелей» распахнулись, и из них выскочил примерно с десятков добрых молодцев в камуфляже. Половина из них кинулась в здание, вторая половина побежала вокруг него.

Из первой «Газели» не спеша выгрузился – по-иному и не скажешь – майор Здоренко. Он поправил на голове фуражку, повертел головой в разные стороны и, засунув руки в карманы кителя, задрал голову вверх и посмотрел на окно моего кабинета.

– Пошли, – сказала я Маринке. – Ромку возьми за руку. А то еще, не дай бог, потеряется.

– Я не потеряюсь! Я – взрослый! – совсем некстати заявил о своих правах Ромка, но с Маринкой это не прошло.

– Молчать, подкидыш! – шикнула она, и Ромка решил больше не возникать. Очень правильное решение, между прочим.

Мы перебежали через дорогу, и майор Здоренко, заметив нас, остановился, выпятив вперед живот, губы и козырек фуражки, и милостиво подождал, когда мы к нему приблизимся.

– Ну что, Бойкова! Говорил я тебе... – начал майор, но не досказал, потому что рация, висевшая у него на плече, пролаяла несколько слов, и майор тут же отвлекся.

– Эвакуируй всех людей из здания! – рыкнул он рации, и она в ответ, что-то каркнув, заткнулась.

Майор, задрав голову, посмотрел на густейший дым, выползающий из окна моего кабинета.

– Документы уничтожает? – деловито спросил он у меня. – Или дымовую шашку поджег? У тебя там много бумажек было, Бойкова?

– Все важные документы у нас на диске компьютера или на дискетах в столе. Или в моем, или в Маринкином, – ответила я. – Жечь их не обязательно.

– Можно просто об коленку поломать, – добавила Маринка. – Или магнитом потереть – я в каком-то журнале читала об этом.

– Значит, просто диверсия, – пробурчал майор и добавил свое любимое: – Не живется тебе и другим жить не даешь, Бойкова.

– Я никому жить не мешаю! – резко ответила я.

– Кроме жуликов, мошенников, в общем, преступников и... другого антиобщественного элемента! – зачастила Маринка, но майор властным движением руки прервал все разговоры.

– Вот вы тут стоите, девушки, вот и стойте, – сказал он. – А мы работать будем!

Несколько человек из отряда майора подбежали к нему и вполголоса начали докладывать про обстановку внутри здания редакции и снаружи. Майор покивал, двоих рубоповцев оставил с собой, еще двоих послал стоять под окнами моего кабинета. Сам же майор, держа в руках рацию, как маршальский жезл, стоял гордо и важно, наверняка ожидая, что сейчас ему принесут скальпы всех его врагов. Ну или как минимум приведут их всех с петлей на шее.

Мы втроем – я, Маринка и Ромка, – проникнувшись важностью момента, робко встали позади майора. Между прочим, не всякому журналисту выпадает возможность поприсутствовать при операции по задержанию особо опасного маньяка.

В том, что он особо опасный, никто из нас не сомневался. Просто потому, что маньяки не опасными не бывают.

Глава 3

Рация, зажата в кулаке майора, что-то прохрюкала. Я ничего не разобрала, но майор, как видно, понял все и сразу.

– И что? Кого взяли? – прокричал он в рацию. – А где? Работайте, ребятки, работайте дальше!

Закончив разговор, майор неторопливо направился к входу в здание редакции. Двое камуфляжников, как почетный эскорт при вожде племени апачей, потопали за ним, шумно сопя через прорези в своих черных шапочках, натянутых до шеи.

Мы с Маринкой переглянулись и робко двинулись за ними, почему-то стараясь идти с этими войсками почти в ногу. Ромка болтался где-то сзади и презрительно фыркал.

Через несколько шагов, остановившись напротив дверей, майор оглянулся на нас.

– Уже здесь, – проворчал он, словно наше присутствие было чем-то необычным в этих событиях. А кто его позвал? Или это уже не имело значения?

– Ну и черт с вами. Кого-то одного уже взяли, – словно нехотя проговорил майор. – Скоро, возможно, возьмут и второго, если он на крышу не захочет лезть. Тогда его все равно возьмут, но на десять минут позже.

Майор зевнул, явственно показывая, что все происходящее – всего лишь гнетущая рутина, отрывающая его от более важных дел, и шагнул дальше. Но его остановила Маринка, вылезшая с вопросом. Ей, как всегда, хотелось все раньше, чем даже это «все» произойдет.

– А их было двое, да? – спросила она. – Один захватывал помещение, а другой, получается, где-то его страховал? Это называется «стоять на атаке»?

– Так получается, – буркнул майор и пошел дальше. Но Маринка если уж вцепилась, то отставать не желала. Я даже пропустила ее впереди себя. Пусть нарывается, если хочет. Я еще успею.

– А мы видели только одного, – сказала она, надвигаясь сзади на майора. Майор, как мужчина видный, не доходил нам обеим тулей своей фуражки даже до подбородка.

Оглянувшись на Маринку и смерив ее презрительным взглядом сверху вниз – не знаю даже, как у него это получилось, но получилось же, – майор бросил:

– Вообще странно, что вы видели хоть кого-нибудь. Или молчи, Широкова, или я прикажу тебя изолировать на пару суток. Вот поучись у своей подружки: так хорошо молчит, что приятно слушать!

– Да я и молчу, – сразу же заоправдывалась Маринка.

– Конечно, – сказала я.

– Я ведь только спросила, – продолжила Маринка, совершенно не просекая ситуацию, – где был второй? Может быть, там и третий, и четвертый...

– Я сказал: всем молчать! – рявкнул на нее майор. Маринка заткнулась, секунду подумала и протолкнула меня вперед, а сама встала сзади.

Рубоповцы в это время занимались чем-то интересным на втором этаже. Судя по звукам, они вульгарно ломали дверь в редакцию. Дверь была металлическая и сразу поддаваться такой пошлой отмычке, как рубоповский ботинок, не соглашалась.

Мы, предводительствуемые майором, под конвоем двух автоматчиков неторопливо поднялись на второй этаж. Как только я ступила на площадку нашего этажа, я услышала, как редакция дверь, натужно застонав, скрипнула и отворилась.

Мы увидели, как в дальнем конце коридора рубоповцы с угрожающими криками ввалились в редакцию.

– Вот так и поступают у нас в отделе с теми, кто не поддается сразу, – важно пробурчал майор.

– Вы про дверь? – робко спросила я у него.

Майор бросил на меня нехороший взгляд и промолчал. Что было странно для него. Я тоже сочла за благо промолчать.

Мы пошли по коридору. В коридоре было пыльно. Пахло дымом. Двое рубоповцев, посторонившись, пропустили нас к двери в редакцию. В этот момент начала хрюкать рация в руке у майора. Теперь я уже и без сурдопереводчика знала, что под раскрытым окном моего кабинета никого не видно: никто не выпрыгнул и не пытался это сделать.

– Ну вот, – сказал нам майор, – объект взят!

– Налетчик? – не выдержала Маринка. – А он сопротивлялся?

– Выстрелов я не слышал, – ответил майор. – Значит, их не было.

Помолчав немного, он равнодушно добавил:

– Ну, может, сломали кому-нибудь руку в трех местах и бросили, как кулек, на пол...

В это время мы подошли к редакции.

Дым и пыль постепенно рассеялись. Я чихнула один раз, Маринка два раза, а Ромка закашлялся. Вот, кстати, еще один довод против того, чтобы не ходить с открытым ртом. Ромка ходил и получил за это.

Дверь в нашу редакцию лежала на полу. Ее открыли в обратную сторону. Это была хорошая металлическая дверь, и очень тяжелая. Я всегда здорово пыхтела, когда отпирала ее. Все хотела попросить Виктора вызвать мастера и что-нибудь сделать с замком. Теперь необходимость в этом отпала. Вместе с дверью. Придется, наверное, менять и замки, и дверь.

Двое омовцев стояли рядом с пустым проемом. Между ними на полу на животе лежал Виктор, руки за голову.

– Это первый? – спросил майор Здоренко и легонько пнул Виктора носком ботинка в ногу. – Рожа бандитская.

Рубоповцы роботоподобно кивнули и промолчали.

– Чечен? – еще раз спросил майор.

Рубоповцы не пошевелились, и майор, как видно, их прекрасно понял.

– Наш засранец. Все ясно.

Майор бросил быстрый взгляд в дверной проем. Потом он потыкал толстым пальцем в кнопки рации. Она обиженно хрюкнула в ответ. Он удовлетворенно кивнул и снова ткнул Виктора в ногу.

– Ну что, сынок, не хочешь жить честно и спокойно? Вот и приходится на полу валяться мордой в грязь. И это только начало. Попомни мое слово.

– Товарищ майор, – робко прошептала я. – Это...

– Знаешь его? – Майор резко повернулся ко мне и заинтересованно взглянул мне в глаза. – Откуда? Кто такой? Где ты его видела? Ну!

– Конечно, я его знаю, – как можно спокойнее сказала я. – И вы его знаете...

– Это же Виктор, наш фотограф! – вылетела из-за моей спины Маринка. – Вы разве не помните Виктора, товарищ майор? Он еще вас фотографировал, когда вы в первый раз арестовали Ольгу... – Маринка замолчала, поняв, что стала напоминать что-то не совсем приятное для майора.

В тот раз Виктор сделал несколько удачных фотографий со стороны, и меня всего лишь покатали в арестантской машине, но надолго задерживать не стали. Майору было сказано, что эти фотографии пойдут в следующий номер, если он меня не отпустит.

Вот так, собственно, мы с ним и познакомились. Судя по быстро багровеющей физиономии майора, он этого тоже не забыл.

Маринка, сообразив, что ляпнула лишнее, не нашла в себе сил замолчать на середине фразы и вяло закончила:

– Вы еще тогда сами приходили к нам изымать пленку. И тогда мы в первый раз с вами поругались...

Майор откашлялся и, не удостоив Маринку ответом, повернулся к Виктору.

– Кто? Ах, фотограф... – майор сдвинул набок свою фуражку и почесал за ухом.

– Да, и я его помню, – раздумчиво проговорил он и носком ботинка в третий раз дотронулся до ботинка Виктора. – Ну ты что разлегся, сынок? Вставай, полы, наверное, грязные.

Виктор, ловко отжавшись руками об пол, встал на ноги.

Они с майором молча осмотрели друг друга.

– Молодец, – одобрил его майор Здоренко, – надоест тебе тут рядом с этими шепутными девками молчать, приходи ко мне, будешь молчать среди нормальных ребят.

Виктор молча кивнул. Майор, не дождавшись ответа, хмыкнул и, не оглядываясь, твердой походкой вошел в помещение редакции.

Мы с Маринкой довольно-таки робко проследовали за ним.

Первая комната, то есть, собственно, редакция, следов разгрома и побоища на себе почти не несла. Все было как обычно, если не считать двух вещей. На полу было разбросано несколько газет из нашего архива да посередине комнаты стоял один рубоповец с черной маской на голове и с коротким автоматом в руках.

Он стоял настолько неподвижно, что на секунду показался даже статуей. И не мне одной.

Маринка толкнула меня в бок, а я, поняв ее буквально с первого толчка, ответила ей таким же тычком. Не время было сейчас выслушивать ее предложения о мужских статуях, поставленных по углам редакции.

Майор молча прошел в мой кабинет, дверь которого была, слава богу, не сорвана с петель, а открыта по-нормальному.

Мы с Маринкой и с Ромкой, пытаясь не стучать каблуками слишком громко, чтобы не провоцировать майора на новые крики, старались от него не отставать.

Майор вошел в кабинет и неожиданно остановился посередине. Из-за его столь внезапной остановки я не рассчитала и толкнула майора в спину.

– Извините, – проговорила я, отскакивая назад и толкая Маринку.

Маринка такой же вежливой, как и я, себя не показала. Она ткнула меня локтем в бок и прошептала, что я совсем сумасшедшая, психованная... ну и еще несколько пошлых глупостей. Я не обратила на все это внимания. Кто бы говорил!

– Не спеши, Бойкова, поперек батьки в пекло... Я еще сам ничего не понял, – пробормотал майор, поправляя на голове задетую моей рукой фуражку.

Дело было в том, что в моем кабинете тоже находился один рубоповец и больше в нем никого не было.

Около раскрытого окна лежала полуобуглившаяся пачка газет, взятая из-под Маринкиного стола. Она, видимо, и горела. Затушили ее самым профессионально рубоповским методом: сапожищами. Клочки газет лежали везде, где только можно. Сильно пахло гарью.

– А где же задержанный? Не понял! – рыкнул майор своему рубоповцу. – Куда вы его спустили? Или упустили, что ли?

– Никак нет, товарищ майор, – пропыхтел рубоповец, – задержанный остался в коридоре. А больше здесь никого не было!

– Как это не было? – изумился майор и сдвинул фуражку на затылок. – Как это не было? А дверь была заперта?

– Так точно.

– Ну?!

– А за дверью никого не было, – твердо повторил рубоповец.

Майор сдвинул свою фуражку на один бок, потом на другой и, почесав затылок, нажал кнопку на рации.

– Ноль шестой, слышишь меня? – крикнул он.

– Так точно! – хриплым человеческим голосом ответила рация.

– Кого задержал? – спросил майор.

– Никого, товарищ майор.

Майор недоуменно посмотрел на рацию, потом быстрым шагом подошел к открытому окну и выглянул в него.

– Ты, Сидоров? – крикнул майор. – Сними-ка маску! Кто-нибудь выпрыгивал из окна?

– Нет, товарищ майор, – громко ответили снизу.

Майор отвернулся от окна и снова нажал кнопку на рации.

– Ноль третий! – крикнул он.

– Здесь! – каркнула в ответ рация.

– На крышу кто-нибудь вылезал?

– Нет, батя, не вылезал, – с ленцой ответили майору, и тут его наконец-то прорвало.

– Какой я вам, на хер, батя на службе?! Какой я тебе батя, твою мать и всех святых?! – заорал майор в рацию и с совершенно той же интонацией рывкнул: – Всем отбой! По машинам.

Швырнув свою фуражку на мой стол, майор, засопев, пролез на мое редакторское кресло и уселся в него.

Рубоповец синхронно, как робот, повернулся лицом, пардон, передней частью маски к своему начальнику. Майор махнул ему рукой, и, ни слова не говоря, тот вышел из кабинета.

Нас здесь осталось четверо, но уже через секунду майор повторил тот же жест в сторону Ромки, и тот сообразительно выскочил вслед за рубоповцем.

– Дверь закрой! – крикнул ему майор.

Ромка послушался.

В кабинете было прохладно, но закрывать окно не хотелось: еще не проветрилось, и запах гари был довольно-таки чувствительным.

И зачем этому придурку понадобилось жечь газеты? Или он сначала открыл окно, потому что было жарко, потом решил разжечь костер из-за того, что стало холодно? Чушь, конечно, но ведь он маньяк!

Мы с Маринкой открыли шкаф-гардероб и быстренько накинули на себя верхнюю одежду. Путешествие по свежему воздуху без плащей – испытание не для нас.

– Фу, теперь все пропахнет дымом! – поморщилась Маринка и осторожно взглянула на майора. Майор сидел за моим столом неподвижно и таращился на нас с Маринкой своими рачьиими глазами, не мигая. Видя, что он еле сдерживается, мы стали одеваться быстрее.

– Садись, Бойкова, сама знаешь где, – буркнул майор мне, увидев, что я готова его слушать. – Разговор будет. Неприятный для тебя.

Я села на стул для посетителей и с удивлением заметила, какой сейчас я себе кажусь маленькой по сравнению с майором, засевшим в моем кресле.

Мне такое ощущение не понравилось, но делать было нечего. Сейчас в моем кабинете главным был майор, а не я. Обидно, но такова се ля ви.

– Ну а ты, Широкова, решай, с кем тебе быть: с красивыми или с умными, – криво усмехнулся майор, поглядывая на Маринку.

– В смысле? – не поняв, пролепетала Маринка.

– В прямом. Или выходи отсюда и закрывай за собой дверь, или садись рядом с Бойковой. Со своей начальницей.

Маринка не стала думать, она поставила стул рядом с моим и уселась на него.

– Ну и что все это означает, Бойкова? – спросил меня майор, постукивая костяшками пальцев по столешнице. – Тиражи полетели, и ты решила сочинить про себя сенсацию, да, Бойкова? Тебе это боком выйдет! Предупреждаю!

– Вы о чем? – не поняла я.

– А о том! – заорал майор и застучал кулаком по столу. – Я все о том, что ты меня вызвала якобы на помощь, я приехал, а в твоей гребаной богадельне нет никого! Ты что же это творишь? Уже налетчиков себе сочиняешь? «Или, может быть, это был маньяк!» – кривляясь, передразнил он Маринку. – У тебя чердак едет? Или случайно так получилось?

– К нам действительно залез незнакомый мужчина и захлопнул за собой дверь, – стараясь говорить спокойно, произнесла я. – Это правда!

– Да понял я уже, что вам мужики мерещатся! Хотя и не весна сейчас, а все равно: мужики, мужики, мужики! Тьфу! – Майор демонстративно сплюнул на пол и заерзал по моему креслу. – И кресло у тебя неудобное... А может быть, вы сами дверь захлопнули и сочинили эту сказочку?! – снова рывкнул майор. – Почему я вам должен верить?!

– Да потому, что это правда! Как я вам рассказала, так и произошло! – не выдержав, прикрикнула я. – Зачем мне нужно было все это сочинять? Или вы думаете, что я не могла найти другую причину, чтобы пригласить вас сюда?

Маринка хихикнула, майор покраснел еще больше и опустил глаза. Это длилось какое-то жалкое мгновение, но моя победа была налицо. Даже на лице. На лице у майора.

– Ну тогда объясни мне, наивному такому албанцу, – немного хриловато продолжил майор, – что ему понадобилось в твоей редакции, кроме устройства здесь пионерского костра, и куда он потом испарился? – Голос майора окреп и снова зазвучал как сирена. – Мои люди были везде! По периметру!

– Не знаю, куда он испарился! Но то, что он был здесь, это точно! – упрямо повторила я и незаметно толкнула под столом Маринку. Мне нужна была помощь, и Маринка это поняла.

– Хотите кофе, господин майор? – спросила Маринка. – Вам как: с сахаром или без сахара? А хотите с печеньем?

– Я хочу правду и больше ничего! Некогда мне здесь с вами лясы точить и слушать ваши дурацкие остроты! Ну-ка, Бойкова, давай излагай все с самого начала и не торопись! А ты, Широкова, закрой окно, не май месяц, и действительно сваргань нам кофейку. Погорячее.

– Не умею, – отрезала Маринка, резко вставая со стула.

– Что ты не умеешь? – не понял майор. – Окна закрывать?

– Кофе варганить! – выпалила Маринка. – Я умею его только варить!

– Я так и сказал! – отрезал майор. – Давай поживей и не отвлекай меня. Я не собираюсь тут ночевать. Даже с вами двумя. Гы-гы!

Майор улыбнулся, настроение у него слегка улучшилось, и он даже догадался снять фуражку и бросить ее рядом с собою на стол.

Маринка, громко вздыхая, как бы намекая этим на непосильную печаль от людской черствости, обрушившуюся на нее, пошла к окну и, закрыв его, вышла из кабинета, оставив дверь открытой.

Мы с майором промолчали, оба поняв, что оставить Маринку в неизвестности относительно того, что происходит в кабинете, значит спровоцировать ее на резкие поступки. Вроде яда в бокал.

Шучу.

Майор внимательно выслушал все, что я ему рассказала, ни разу не перебив меня, после чего задал всего один вопрос:

– И что же у нас тогда пропало?

Я в растерянности огляделась.

– Не знаю.

В это время в кабинет вошла Маринка с подносом.

– Кофе готов, сахар я не клала, вроде все на месте, даже мой зонтик, – проговорила она скороговоркой и посмотрела на сейф, стоящий в углу.

Говоря языком милицейского протокола, «сейф на себе следов попыток проникновения не нес».

– Сейчас трудно сказать, – уклончиво сказала я, пододвигая ближе к себе чашку с кофе, которую Маринка поставила передо мною. – Вот разберемся, посмотрим, может, что-то и определим.

Майор посопел, потом, словно нехотя, взял ложечку, насыпал себе в чашку три ложки сахара и звонко застучал ложкой в чашке.

– Если допустить, что ваш маньяк на самом деле существовал, то, нужно признаться, он скрылся еще до нашего появления. Напустил дыму полное небо и, пока вы рты пораскрывали на него, маньячок-то и свалил. Спокойно и не торопясь... А мальчишку найдете, купите ему конфет. Может быть, своей глупостью он вам жизнь спас.

Майор наклонился над чашкой. Мы с Маринкой переглянулись.

– Слышь, Бойкова, – спросил майор после первого шумного глотка, – а кого ты куснула в своей газетке за последнее время?

– Я думала уже об этом... – начала я, но майор тут же меня прервал:

– Это меня не интересует. Отвечай на мой вопрос. Коротко и ясно.

– Да вроде и никого, – ответила я.

– Никого, – задумчиво повторил майор и снова отхлебнул кофе. – Это, может быть, ничего и не значит, Бойкова... Хм, никого. – Майор еще отпил из бокала. – Знаешь, был у нас в стране такой исторический деятель по фамилии Сталин...

– Конечно, знаю, – влезла Маринка, хотя конкретно ее и не спрашивали. – Про него все знают.

Майор задумчиво посмотрел на Маринку, очевидно, размышляя, выгонять ее или нет. Потом скорее всего решил, что недостаток аудитории не есть хорошо для лектора, и решил не реагировать на Маринкин выпад.

– Так вот, – продолжил майор Здоренко, – один раз, отвечая на вопрос, что такое счастье, товарищ Сталин сказал. – Майор отставил чашку в сторону и полез в карман кителя за сигаретами. Доставая сигареты и прикуривая, он продолжил говорить, но уже с псевдогрузинским акцентом:

– Щасье, слющ, эта кагда ты задумал мест, выждал, падготовил ее, атамстил, а потом пришел дамой, выпил бутылка краснава вина и лег спат! – Майор сделал паузу и продолжил уже нормальным голосом: – Вполне возможно, что кто-то из ваших недругов, которых вы плодите, как рыба икру мечет, решил выждать и вот теперь расплачивается с вами.

– Сталин был тревожно-ответственным типом, – задумчиво проговорила Маринка, – теперь мне все ясно! Майор презрительно фыркнул носом:

– Ей со Сталиным все ясно! Ты с маньяком сперва разберись, Широкова!

– Вы думаете, что это месть из прошлого? – переспросила я, отвлекая майора от Маринки.

– Это одна версия, – пояснил майор. – И самая здравая. Версия вторая – да, маньяк. И в подтверждение этой версии могу привести телефонный звонок, который тебе был незадолго до нападения вашего маньяка. Тебя предупредили, что будут сюрпризы. Маньяки, они всегда жаждут признания и известности.

– Как и журналисты, – не удержалась Маринка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.